

люди, эпоха, судьба

**Марина
Цветаева
Анастасия
Цветаева**

**ДВЕ
СЕСТРЫ**

Воспоминания
Автобиографическая проза
Стихи

*Издание подготовили
Мунира Уразова
и Станислав Айдинян*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ц27

Дизайн серии *Владислава Воронина*

Составление и хроника *Муниры Уразовой*

Предисловие *Станислава Айдиняна*

В книге использованы фотографии из фондов
ГБУК Дом-музей Марины Цветаевой,
а также личных архивов Ольги Трухачевой и Льва Мнухина

Цветаева, Марина Ивановна

Цветаева, Анастасия Ивановна

Ц27 Две сестры / Марина Цветаева, Анастасия Цветаева; сост.,
хроника М. Уразовой, предисл. С. Айдиняна. – М.: АСТ, 2020. –
432 с.; ил. – (Люди, эпоха, судьба).

ISBN 978-5-17-119330-0

Две родные сестры, два голоса, которые звучали в унисон, не споря, а лишь дополняя друг друга. У каждой был свой дар письма и чутья, умения видеть, слышать, запоминать и воплощать в слове. Время вознесло голоса сестер, обессмертив их.

В настоящей книге впервые тексты Марины и Анастасии Цветаевых помещены вместе, чередуясь и образуя диалог сестер о детстве, юности, молодости, мужьях, детях, творчестве, окружавших людях, трагических годах революции, расставании... И когда одной сестры не стало, другая, не смирившись с этой потерей, сделала память о ней главным смыслом жизни, навсегда сохранив ее образ для будущих поколений в своих книгах.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119330-0

© ГБУК Дом-музей М. Цветаевой, 2020

© А. Цветаева (наследники), 2020

© М.М. Уразова, составление,

хроника, 2020

© С. А. Айдинян, предисловие, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

О жизни и прозе сестер Цветаевых

Цветаевская проза... Страницы Марины, страницы Анастасии... Они разогреты совершенно живым теплом. Исток прозы у Марины Ивановны — кроме непосредственной памяти, — часто записные книжки, записи из черновых тетрадей, блокнотов, письма; у младшей — канувший в вечность дневник, положенный в основу ее первых двух юношеских книг, а потом и двух больших томов ее известных «Воспоминаний».

В мае 1920 года к Марине Цветаевой в квартиру в Борисоглебском переулке заглянул виднейший представитель символизма, поэт и мудрец Вячеслав Иванов, среди прочего он спросил ее:

«— А Вы пишете прозу?

— Да, записные книжки...

— Не как Ваша сестра?

— Нет, короче и резче... Она же хотела быть вторым Ницше, кончить Заратустру...

— Ей было 17 лет...»¹

Еще ранее, в том же разговоре:

«— Что же Вы пишете? Стихи?

— Нет, стихов мне мало, пишу их, только когда мне надо к человеку и нельзя подойти иначе. Я страстно увлекаюсь сейчас записными книжками: все, что слышу на улице, все, что говорят другие, все, что думаю я...»

И далее: «А главное — записные книжки, это моя страсть, потому что — самое живое»².

А вот что о своем дневнике, «спутнике жизни», написала в «Воспоминаниях» Анастасия Цветаева: «Я уже годы вела дневник. Дневник этот все более занимал места в моей жизни, как в Марининой — стихи. Привычка отображать пережитое, отдавать себе отчет в мыслях и чувствах вырастала в подобие тайного спутника, уже становящегося поддержкой в моих днях»³.

¹ Цветаева М. Неизданное. Записные книжки. М.: Элис-Лак, 2001. С. 169.

² Там же. С. 168.

³ Цветаева А. Воспоминания: в 2 т. М.: Бослен, 2008. Т. 1. С. 370.

И еще у Анастасии Ивановны о том дневнике: «Переплетенные тетради всех размеров и толщин — каждую новую моего дневника и следующую Маринину черновую тетрадь стихов мы обычно вместе шли выбирать — по деньгам, то кожаные, то коленкоровые черные или цветные книжки, то — просто толстые конторские, и уносили добычу — свежеспахнувшие типографией, зажатые в переплет кипы белых листов, куда — в их заманчивую пустоту — пойдут лететь строки, ползти страницы, бежать тонкой струйкой чернильные ручейки — затейливой мелкой круглой прямой вязью Маринины, круглые же, крупнее, немного вправо, беспорядочные — мои. Сколько было их, позади, стопок с моих двенадцати лет, когда, после смерти мамы, зародился дневник, и как было больно порой их раскрыть и войти в страницы, как входят в дом, в комнату, в душу — и уж нельзя оторваться, все брошено, все забыто — вновь цветут и мучаются тот день, тот человек, та беседа, тот город и те поезда...»¹

По поводу цветаевской прозы однажды разгорелась полемика. Питерский специалист по «трудам и дням» М. Цветаевой Ирма Викторовна Кудрова опубликовала в журнале «Звезда» статью «Листья и корни» (№ 4, 1976); выводы свои исследователь основывала на воспоминательных очерках Марины Ивановны, в частности на ее «Мать и музыка».

Анастасия Ивановна написала свой ответ Ирме Викторовне (его полный, *рукописный* вариант был закончен 25 декабря 1977 года). В том же журнале «Звезда» в сокращенном виде он появился под названием «Корни и плоды» только в 1979 году, в № 4. В этом «ответном» очерке, в частности, сказано: «Вернувшись в 1947 году после полного отсутствия, дочь Марины дала мне — в рукописи — прочесть “Мать и музыка” (напечатано в журнале). Великолепные страницы о ее детском восприятии рояля, живейшего из живых существ, анализ “верха” и “низа” (клавиатура), грома первых и еле-слышности последних нот. Кто еще когда *так* писал? Но — не з а с т а в л я л а мать играть восьмилетнюю дочь четыре часа в день (2 по 2). Два по часу — возможно. С грустью прочла я изобретенный — к роялю и к теме — образ матери и свой детский портрет — непохожий. Но пока только *ее* перо писало

¹ Цветаева А. Воспоминания: в 2 т. М.: Бослен, 2008. Т. 2. С. 301.

такое — я оставляла это на ее творческой совести. Когда же критики начали строить на таком материале в корне неверный образ матери нашей и он входит в литературу — я должна возразить критикам».

Для нас очень важны выводы, которые делает в этом очерке Анастасия Ивановна: «Я скромно воссоздала быль, Марина создала свою быль. Ей бы просто в голову не пришло спросить себя: а так — было? Нищету такого — чьего-то — вопроса она просто отвела бы рукой. Ей “дом”, “семья” — были плацдарм. Брала их, как трамплин. По “памяти” шагала — как человек по луне: шаг — и прыжок! Прикоснется к яви — обожжется — отпрянет. Игра идет во весь пыл!». И еще: «Марина не убеждалась явью. Ее девиз был — “Искусство важнее жизни”».

А самое важное и глубокое, разъясняющее многое высказанное в рукописи очерка младшей Цветаевой, звучит так: «При удивительном сходстве душевного строя — глубокое различие характеров и стремлений. Появись мои “Воспоминания” при жизни Марины — она бы не оспорила в них ни строки: ибо все в них — быль, Марина же были не подчинялась, ее отталкивала. Но Марина и я — “свои люди — сочтемся”».

Эту же тему полемики с Ирмой Кудровой Анастасия Ивановна обсуждала в переписке с поэтом и правоведом Владимиром Ионасом, в ней есть ее тонкие строки: «Les paroles s’envolent, les écrits restent»¹. Я не хочу ставить точки над Мар<ининым> внутр<енним> миром. Скажу одно: эту мою статью я писала четыре или пять раз, целый год (семьдесят седьмой — семьдесят восьмой), так сложно все, и так психологически опасно эти точки ставить. Ваше высокое моральное чутье что-то тут нащупало.

Но насчет «кр<асного> словца» Вы о М<арине> прекраснодушничаете. В ее среде (а иное было и от природы) она прошла и через цинизм фраз, отбрасывание прямой линии между Добром и Злом. Но и мне ради нее — пришлось по-иному, но тоже не совсем желательно, соотноситься с ними в этой статье — прошедшей стадии от прокурора к адвокату. Кошачьей лапой замазала пятна, но только два человека что-то учуяли об этом устно».²

¹ «Слова улечиваются, написанное остается» — (фр.)

² Грани. 2001. № 199. С. 134–135.

Чего же не хватало Вл. Я. Ионасу в понимании этого, с его точки зрения и по его словам, «полузагадочного послания»? А того, что и Анастасия Ивановна все же не касалась всех темных сторон жизни, которые в земном проживании для людей творческих и страстных — неизбежны... «Замазала пятна»? Скорее умолчала... А память ее по отношению к матери просто более благожелательна. Она была младшей, и отношение к ней, миниатюрной и болезненной, было, конечно, более снисходительным и сочувственным, чем к более старшим детям, Марине, Валерии и Андрею.

По тому же поводу читаем в книге «Марина Цветаева» Виктории Швейцер, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей»: «Спор о детстве Марины Цветаевой?.. Он возник неслучайно и свелся к вопросу существенному: что представляет собой автобиографическая проза Марины Цветаевой? Речь идет не о жанровом определении, ибо жанр Цветаева определила: лирическая проза, — а скорее о психологическом: насколько правдиво и точно изобразила Цветаева мир своего детства. В полемику вовлекаются письма Цветаевой, изложенное в них сопоставляется с эпизодами из ее прозы, поэта уличают в перетолковывании реальности, чуть ли не в двоедушии. Мелькают слова: быль, легенда, правда жизни, художественная правда, правда поэта... Спор вышел за пределы прозы Цветаевой о детстве и касается ее воспоминаний вообще. Всегда интересно сравнить произведения разных авторов, посвященные одним и тем же людям и событиям. Читая параллельно «Воспоминания» Анастасии Цветаевой с «детской» прозой Марины, ленинградский литературовед Ирма Кудрова пришла к заключению, что детство последней не было той «страной безусловного счастья», какой его воспринимает и изображает младшая сестра».

Справедливости ради приведем еще один, и не последний, фрагмент из упомянутого не раз очерка Анастасии Ивановны «Корни и плоды»: «“Преддверьем муки” назван час перед расставаньем с матерью (она уезжала лечиться, мы оставались во французском пансионе). А мрачные стихи “Столовая”, где дано — отсутствие семьи, написаны в те годы, уже без матери, о которых в моей книге сказано: “Ее отсутствием был полон дом”. Быть может, кто-нибудь скажет: в юные годы все кажется человеку светлым, и он проецирует этот свет и на мрачное, — отсюда

молодые стихи к матери. Но биограф и критик должны знать, что юные годы Марины (до ее встречи с Сергеем Эфроном), девичество ее было печальным. Ведь именно в семнадцать лет она пыталась покончить с собой».

Так что никак нельзя сказать, что Анастасия Ивановна как-то «лакировала» жизнь своей семьи и в ней — сестры Марины Цветаевой. И ни о какой «стране безусловного счастья» речи нет ни в очерке, ни в полном тексте ее мемуаров, которые вышли *двухтомно* только в 2008 году...

А.И. Цветаева в своем очерке пишет: «“Листья и корни” называется статья И.В. Кудровой. Листья — явны: изучив состав и движение соков — о листьях можно судить. Корни же скрыты и глубже, чем кажутся. Ползучие, переплетаются. Надо изучить все извилины и сплетенья и уметь с них стряхнуть приставшие комья земли».

«О сравнении Маринойной и моей прозы — эту тему затронул критик — во мне давно живет такой образ: горный водопад Маринына проза! Моя — река, текущая по долинам. Исток один: с гор. Но пути и течения — разные. Для зеркальной реки закон — явь. Водопадом, бурей его явь — разбивается».

Так в старой, авторизованной, правленной машинописи...

Да, творчество, как поэтическое, так и прозаическое, у Марины Цветаевой действительно всесмывающий водопад, стремительный поток, несущий вихрь эмоций, крайнюю чувствительность и вчувствованность, которые потом изливаются гармоничной словесной интенсивностью, берущей в плен читателя...

Завершая тему «мемуарных» основ прозы Марины Цветаевой, приведем тут мнение Анны Саакянц, крупнейшего из посмертных биографов Поэта: «На прозу Цветаевой, естественно, ни в коем случае нельзя рассчитывать как на мемуарный источник, — иными словами, нельзя, по выражению ее сестры, “смешивать творчество с былью”. Обладая отличной памятью, Цветаева, когда это ей было нужно, сознательно пренебрегала верностью частностям, нарушала хронологию мелочей, делая это исключительно в целях достижения максимальной поэтической убедительности»...

В своем мирочувствии поэта М. Цветаева, конечно, не менее женственна, чем Анна Ахматова, только она более письменно

свободна. Не скована «прямой» постклассической традицией... В ее прозе и поэзии видятся черты модернизма, той более мужественной, твердой «левой» формы, которую у нее провидчиво заметил автор ее творческой биографии «Моя неласковая ласточка...» Илья Фаликов.

О Марине Ивановне, как и о Константине Бальмонте, о ее облике и личности можно уверенно сказать, что она тоже всею собою — манерами, речью и строкою — решающим образом прежде всего Поэт. И мы в этом убеждаемся, присмотревшись к разноречивым и пристрастным, письменно выраженным на нее взглядам ее современников...

Для тех, кто хотел бы разобраться в генезисе цветаевской прозы, понять подходы сестер Цветаевых к памяти о прошлом и к жизни, нелишне было бы прислушаться к еще одной, и самой старшей из сестер Цветаевых, родной им по отцовской линии, — к Валерии Ивановне Цветаевой. С нею у Марины и Анастасии тесно связаны детские годы. Вот что она пишет Анастасии Ивановне 19.01.1948 г., высказывая свое мнение о прозаических очерках Марины Цветаевой: «Милая Ася, о сказке Матери — есть места грандиозные и талантливые (конец о стихах; свечи, если это свое и др.). Но я думаю, если не мемуары, а литература, то надо думать о читателе; не надо давать имен собственных, пока еще живы люди эти... Мы, ты, я должны читать не как члены семьи, свидетели. Мы утверждаем себялюбивый подход и (*неразборчиво*) наложение характеров — это все неважно. А потому и мать, и дед допустимы. Почему бы таким и не быть на белом свете?.. А что кормилица была не цыганка, доктор не такой — не беда — могли быть и такие: грешно было бы только, если писать мемуары. Но имена собственные — непростительно о нашей семье: вся беда в том, что Мария Александровна была человек головной и необузданный. Детям нужен душевный покой для роста, телесная ласка, душевность в изобилии, как у Елены Александровны Добротворской. И большая работа матери над собой, если нрав нелегкий...

Да, мемуары — это летопись, обязывает к максимальному беспристрастию, четкой памяти при сообщении фактов. Мемуары помогают читателю знать. Литература обязывает помогать читателю вообразить, пережить, понять случающееся в жизни. В литературе форма

очень важна. В летописи не столь важна. В общем вещи очень разные, а потому манера Марины смешивать эти вещи сбивает с толку и чужого (о характерах) и тяжела современнику, свидетелю.

Марина, конечно, поэт. И в ней это главное. Неожиданные ассоциации, напряженность чувства, острота и т.д. Это дар...»¹

Как видим, мнение Валерии Ивановны о прозе М. Цветаевой с мнением Анастасии Ивановны сходно, но в психологической оценке облика матери Марины и Анастасии, Марии Александровны Мейн, Валерия Ивановна скорее невольно на стороне Марины Ивановны, когда говорит о ней как о человеке «головном и необузданном!» Вот как все непросто во взглядах на прошлое этой семьи в текстах, нам временем «завещанных».

Воспоминания Валерии Цветаевой очень ценны. Они изданы полностью в 2018 году Ивановским областным художественным музеем под редакционным названием «Я в основе — всегда художник». Составила и подготовила текст известный цветаевед Е.Б. Соснина. В этом издании, как и в «эпистолярной» публикации Е.М. Климовой, есть ценные для нас страницы воспоминаний, «горестные заметы», оценки той, кто была свидетелем жизни сестер с самых ранних лет: «Дети одаренные, с характерами резкими, самоуверенными, для воспитания трудными. Но в них была и нежность, они любили животных, помнили тех, кто был к ним добр, были памятьливы и наблюдательны. Неприятным воспоминанием остались детские драки. Поводом к дракам было то, что каждый ребенок хочет все для себя одного; обычно другие дети с ним спорят, начинают отнимать, сердиться, царапаться, щипаться, драться.

Азарт драк, озверение было в обиходе наших детей. Взрослые видели в этом только досадные детские шалости. В этих случаях грубый окрик со стороны взрослого (пример его собственной несдержанности) только портил дело. Помню, что сестры с детства были очень привязаны друг к другу. И все же они постоянно соперничали: что-то делили, отнимали, спорили. Не было навыка привычной деликатности ни друг к другу, ни ко всем окружающим. Росли дикарями и сорванцами, к тому же еще и изобретательными.

¹ Впервые опубликовано: газета «Октябрь» (г. Таруса). 2008. № 141–142. 3 октября. С. 7. Публикация Е.М. Климовой.

Самым теплым для сестер воспоминанием детства был “Курлык” — так называли они ласковый час сумерничания вместе с матерью под общим пледом.

Непоправимым злом в нашем доме было отсутствие обязательной и привычной заботы об отце, не слышавшем заслуженного им благодарного “спасибо” от детей и жены, не выдавшем от них ни ласки, ни внимания и все-таки платившем добром, прощением, желанием всякого благополучия своим глухим себялюбам.

Из песни слова не выкинешь. Недаром отец к концу жизни признавался: “Семья мне не удалась. Но служба государству, родине удалась”, — с удовлетворением добавлял он себе в утешение. В семье, в самом корне, не было благополучия. В одном из случаев последних своих увлечений Мар<ия> Ал<ександровна> до конца дней решала, не повернуть ли свою жизнь по новому пути. И дети об этом знали.

С Италии (в Нерви) жизнь девочек сорвалась в сумасбродную вольницу. Было им тогда: Марине — 10, Асе — 8 лет. Дальнейший путь их по школам-интернатам Швейцарии и Германии (близ санаториев и курортов, где лечилась мать) не дал им нужного тепла, не упорядочил навыков и характера. Обязательные смены мест и людей, смена привязанностей и порядков создали чувство бездомности, неустойчивости». ¹

Вот такое горькое, пусть и по-своему пристрастное свидетельство...

Но неприкаянность в детстве, ранняя смерть матери, эта ранняя вольница — возможно, именно они-то и определили *свободное развитие* характеров и личностей сестер, позволили им сформироваться в той высокой мере свободы и трагичности этой свободы, которые дали им помимо эгоцентризма при их темпераменте еще и развитие таланта, восприимчивость, легкокрылый полет в литературное творчество. Анастасия Ивановна говорила мне: «Я пишу во весь душевный мах!..» — так же и еще более интенсивно писала Марина Цветаева...

Теперь о различии Марины и Анастасии Цветаевых. Анастасия Ивановна преподавала английский язык, как она говорила нам — по

¹ Цветаева В. Я в основе — всегда художник. Иваново, 2018. С. 194.

методу Натана Кобленца. У нее были группы учеников в Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, преподавание она совмещала в период с 1924 по 1932 год с работой библиотекарем в Музее изобразительных искусств. М. Цветаева с сестринской гордостью в одном из писем называет ее «лучшим знатоком английского на всю Москву». Говорит, что Анастасия занимается и с ее дочерью, Ариадной. Весной 1937 г. Анастасия Ивановна окончила Московский институт новых языков. В сентябре ее уже арестовали. Саму Марину Ивановну представить учительницей, ведущей занятия, несмотря на блестящее, с детства, знание французского и немецкого языков — невозможно. Она вся — порыв, вся — творчество, вся — увлечение. Ее чувство долга было обращено прежде всего в поэзию, литературу, творчество и во вторую очередь — в семью, но только преимущественно с тех пор, как родился ее сын Георгий, Мур, как она его ласково называла... Когда почувствовала, что ему больше не нужна и творчество закончилось, она ушла из жизни...

Еще коренное жизненное отличие. Сестры пережили в детстве чувство глубокой религиозности под влиянием католического аббата в пансионе в Швейцарии, в Лозанне, где они с сестрой Мариной ежедневно молились на коленях пред образом Мадонны и пред Распятием. «Бог вещь, *сколько* молитв говорили мы глубоко в ночь в тишине спавшего пансиона. Усталые и счастливые, мы ложились, преодолевая то, что, казалось, уже может быть искушением, — еще и еще молиться», — читаем мы у А. Цветаевой в двухтомных ее «Воспоминаниях» (т. 1, с. 210). Потом сушь немецкого пансиона охладила религиозный пыл, несколько обескураживавший их мать... Этот пыл у Марины Ивановны со временем сменился тотальным погружением в Поэзию, в свое мироотражение, виртуозное, глубокое, порой трагическое.

А Анастасия Ивановна, человек с детства литературный, интенсивно писавший дневник, вошла в пору своей юности в полосу активного неверия, ее атеизм отразился в первой книге «Королевские размышления» (1915), где она писала о том, что нас, без нашего ведома, бросили в мир и забыли. Это было уже провиденциальное отчаяние, она стала на край бездны, подобно Фридриху Ницше, книги которого она восхищенно читала. Пережила вместе с первым

мужем Борисом Трухачевым захватывающее увлечение «Идиотом», «Братьями Карамазовыми», «Бесами» Ф.М. Достоевского. Ее сестра Марина в этот период была счастлива со своим молодым мужем Сергеем Эфроном, писала стихи о детстве и сестрински сочувствовала Анастасии, но бури богоборчества ее миновали. Она созерцательно-отстраненно относилась к увлечениям сестры атеистами-философами. Именно тогда она и написала одно из самых тонких своих посвящений младшей сестре, «Асе»: *«Ты мне нравишься: ты так молода...»*

Марина Цветаева сама церковно верующей не была. Для нее Бог существовал скорее всего как мировая идея, как моральная высота, как духовный Абсолют. Однако не забудем, что в уже упомянутом разговоре с Вячеславом Ивановым в ответ на его слова она высказалась так: *«...Словом, Вы христианка? — Думаю, что да. Во всяком случае, у меня бесовная совесть»*.¹

А о чувственной природе своей М. Цветаева как-то сказала: *«Я у себя на подозрении...»*

Анастасия Ивановна своим друзьям и мне не раз настойчиво указывала на то, как оканчивается известное прозаическое эссе Марины Цветаевой «Искусство при свете совести» (1932), говоря о том, что именно там ее сестра пишет о духовных основах, приоритетах нашей жизни: *«Быть человеком важнее, потому что нужнее. Врач и священник важнее поэта, потому что они у смертного одра, а не мы. Врач и священник человечески-важнее, все остальные общественно-важнее... И зная это, в полном разуме и твердой памяти расписавшись в этом, в не менее полном и не менее твердой утверждаю, что ни на какое другое дело своего не променяла бы. Зная большее, творю меньшее. Посему мне прощенья нет. Только с таких, как я, на Страшном суде совести и спросится. Но если есть Страшный суд слова — на нем я чиста»*.

Анастасия Ивановна со временем стала убежденной православной христианкой. Ее поздняя проза, автобиографическая по своему основному направлению, никогда не противоречила ее религиозному мировоззрению при всей свободе пера...

¹ *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. М.: Эллис-Лак, 2001. С. 169.

Анастасия Цветаева уже в юности стала и осталась на всю свою долгую жизнь писателем-импрессионистом, чья проза, как и проза ее сестры М. Цветаевой, — удивительно поэтична. В ней есть *произвольность* в лучшем, самом светлом смысле слова. Это тот высокий произвол самовыражения, который несет полноту пережитых мыслей, оттенков чувств и красок — огромное богатство необозримой вчувствованности в природу, в душу характера, в образ времени.

Воскрешать к жизни преданных забвению, давать им пожить еще миг, — вот глубинный лейтмотив последней Цветаевой. Возвращение, миг возвращения, — как это важно и много в нашей жизни, стремящейся в будущее, бурным потоком падающей в Лету... Жизнь можно продлевать не только вперед, но и назад! — те, в ком жива ярко память прошлого, кто имеет магическую способность памяти возвращаться в былое, — в том больше сил для настоящего и в том больше сил для будущего. Именно такой была Анастасия Цветаева, человек цельный, в ком чувства и мысли были неразрывны.

Крепость характера, самоутвержденность, воля и сила долгое время были свойствами Марины Цветаевой, эти свойства покинули ее лишь в самые последние месяцы жизни, когда она обрела фатальную для нее уверенность, что *ее любимого сына Георгия непременно убьют на войне...* Только тогда воля и сила характера покинули ее...

В прозе сестер — оживленность сердечности. Прочно увиденное, точно запомненное неизменно подается от первого лица. Индивидуальность, касаясь решающих для нее вопросов, бывает резкой, императивной в выражении... Утвержденность в себе — вот что роднило с сестрой, вот что делало и делает прозу Анастасии Цветаевой — цветаевской...

Русская литература в своей основе — отражение жизни, и у Анастасии Ивановны *Жизнь* на первом месте. В том-то и суть, что Анастасии Цветаевой судьбою, рождением и воспитанием был подарен талант взволнованности, сопереживания. Душа ее, как и Марины, была душой *ощущающей*... В тюрьмах, лагерях, потом в ссылке — в самые трудные годы — помогала возвратившаяся к ней с 1919 года христианская вера.

Убеждения — это человек, отраженный в горьком и прозрачном, как зеркало, сосуде совести. Это свобода и необходимость выбирать правду